

— С 20 сентября по 6 октября выезд в командировку Москва-Ленинград-Москва. В Москве в ИЗМИРАНе предзащита Вани Карпова на секции и работа с Людмилой Евгеньевной в редакции. Ей я привёз свои долги - перепечатанный текст 1-й главы и прочие исправления, которые она велела сделать при нашей первой встрече летом. Она начала читать и править рукопись, у неё появились вопросы и замечания, над ними мы с ней и работали.

— И, надо сказать, я общался с ней просто с удовольствием: замечания дельные, грамотные (и по стилю изложения, и по оформлению, и даже ошибки (описки) в формулах она находила). Чувствуется профессионализм, и контактировать с ней легко - никаких бабских штучек, капризов, раздражительности, даже когда я не соглашался с ней. Но чаще я соглашался. Несколько листов я опять забрал и отправился в Ленинград, договорившись об очередной встрече примерно через месяц.

18 февраля 1988 г., кирха

В Ленинграде я поселился поначалу у Б.Е., и мы с ним занялись, наконец, текстом моих последних глав, которые мы до сих пор так и не обсуждали. Людмила Евгеньевна до этих глав ещё не добралась, и какие-то небольшие изменения пока не поздно было внести. Кроме того надо было подготовить список обозначений и предметный указатель.

Составляя их, мы с Б.Е. всё время препирались. Он боролся за краткие списки под тем предлогом, что мы и так уже перебрали объём, а я за подробные, более удобные для читателя, в расчёте на то, что сократить, в крайнем случае, всегда успеется, если в редакции потребуют, а если пройдёт, то будет лучше.

Упрямый Б.Е. соглашался неохотно, но и я не очень-то уступал, и мы бились чуть ли не за каждое слово. Удивительно, как мы до этого сумели согласовать 700 страниц машинописного текста? Иногда на нас находило такое - неуступчивость в мелочах каких-нибудь.

В Ленинграде в эти дни Пудовкин проводил в ААНИИ (в новом здании в Гавани) семинар "Конвекция в ночной магнитосфере", который мы с Б.Е. посещали. Я исправно, а Б.Е. нет, ссылаясь на то, что ему лучше мои тексты почитать, пока я здесь.

Участников семинара селили в интуристовской гостинице "Карелия", и Б.Е. рекомендовал мне на время семинара туда переехать, там, мол, удобнее мне будет. Он, наверное, устал от меня, к тому же Людмилы Михайловны не было (уехала в Венгрию по приглашению), и Б.Е. приходилось заботиться о кормёжке для нас двоих.

Я перебрался в "Карелию" с тем большей охотой, что мы поселились в одном номере со Славой Ляцким, правда, не вдвоём, а в трёхместном номере с Мишиным-старшим, Виленом Моисеевичем, иркутянином из СибИЗМИРа, известным магнитологом лет под шестьдесят, которого Слава всё время подначивал, приставая с объяснениями, почему он, Слава, когда-то там давно, будучи председателем какого-то семинара, не дал Мишину времени на выступление больше, чем другим, как тот просил, за что Мишин на Славу очень обиделся, а зря, Слава к нему хорошо относится, но демократия для Славы превыше всего.

И, действительно, Слава даже своё выступление на семинаре превратил в лекцию про демократию и закончил призывом поддержать начавшиеся в стране демократические преобразования. Они с Юрой (он тоже был здесь на семинаре) в связи с перестройкой находились в состоянии, близком к той эйфории, которую они испытывали 20 лет назад по поводу событий в Чехословакии, строившей "социализм с человеческим лицом" (до вторжения туда наших войск, разумеется).

У себя в ПГИ под лозунгом борьбы за демократию они затеяли грандиозную борьбу с Распоповым и его приспешниками, сотрясавшую институт уже несколько месяцев и расколовшую ПГИ не на два даже, а на несколько лагерей, из которых наиболее

консолидированным было Добровольное Общество Содействия Перестройке (ДОСП), в которое входили Слава, Юра, Володя и Тамара Козеловы, Витя и Галя Мингалёвы, всего 11 или 12 человек.

— Ещё весной они начали с того, что распространили по институту анкету с вопросами, касающимися деятельности дирекции ПГИ и лично Распопова, и результаты вывесили на всеобщее обозрение. Результаты для дирекции оказались очень неутешительными.

— Большинство опрошенных признало Распопова несостоятельным как директора, не имеющим научного авторитета и не удовлетворяющим общепринятым моральным нормам. Досталось и Кузьмину - заму по Апатитам, и Леонтьеву, Учёному секретарю института, бывшему члену Славиной теоргруппы, который, выбившись в начальники, совершенно переродился, по словам Славы и Юры. ДОСПовцы повели кампанию за перевыборы всей дирекции.

— Тема выборности директоров институтов в Академии Наук занимала в то время не только их одних. "Литгазета" публиковала требования учёных признать за ними право выбирать себе руководителей, уж если такое право предоставлено рабочим, взывала к Президенту АН Марчуку, но тщетно.

— - Директоров и так выбирают, - отвечал Марчук. - Академики. Им же виднее. В конце концов, институты принадлежат Академии Наук, а не каким-то там научным сотрудникам.

— Может, он буквально и не так отвечал, но смысл этот.

— Разумеется, рьяных полярных перестройщиков попытались обуздать. В ПГИ была направлена комиссия от Президиума АН, в которую вошли Мигулин (директор ИЗМИРАН), Гальперин (от ИКИ), Трахтенгерц (от НИРФИ), ещё кто-то. Комиссия вела разъяснительную работу, главным образом, вызывая по отдельности научных сотрудников, выспрашивая у каждого, чем он лично недоволен, и что ему лично не нравится в Распове, и объясняя недовольному, что при всех его, быть может, и справедливых претензиях к Распову лучшего директора всё равно не найти. И если перестройщики свою бузу не прекратят и добьются даже снятия Распопова, то им сверху могут такого солдафона прислать порядок навести в институте - не обрадуются, и Распов им лучше всякого покажется.

— Что заставляло комиссию защищать Распопова - непонятно. Инструкция, данная в Президиуме? Неприятие самого факта попытки свергнуть назначенного Президиумом директора? Этим можно было бы объяснить позицию Мигулина. Но Гальперин, Трахтенгерц - люди, хорошо знавшие и Распопова, и Ляцкого, высоко ценившие Славу как учёного, - почему они теперь и слушать не хотели его доводов (а Слава, разумеется, считал, что хуже Распопова никого быть не может)?

— Интересно, однако, что и Б.Е. прислал в комиссию письмо в поддержку Распопова, чем ужасно огорчил Славу. Отношение же Б.Е. к событиям, происходившим в его родном ПГИ, мне было известно. Б.Е. считал, что Славу судьба ПГИ, как института, совершенно не волнует, ему важны его демократические игры сами по себе и важно свалить Распопова, претензии к которому у Славы, конечно, справедливы, но и окрашены личными мотивами.

— Альтернативы же Распову в ПГИ нет. Наиболее вероятной кандидатурой на место директора является Лазутин, секретарь партбюро, который спит и видит как бы распововское кресло занять, но Лазутин - хуже Распопова. В этом Б.Е. убеждён. Под началом Распопова Б.Е. десять лет отработал и знает, что с ним ладить можно, его можно нейтрализовать, у него связи в Президиуме, а у Лазутина нет авторитета ни в низах, ни в верхах. Короче, Распов лучше Лазутина, а других кандидатов Б.Е. и вовсе не видит.

— Тут Людмила Михайловна добавляла, что Распов, действительно, дискредитировал себя тем, что всё своё директорство свёл к непрерывным поездкам за границу за тряпками, которыми потом и хвастается откровенно, но не Славу же директором посадить!

— Перестройщикам и в самом деле некого было предложить вместо Распопова кроме Лазутина. В этом была их главная слабость. В ПГИ докторов-то вообще - раз, два и

обчёлся: Распопов, Лазутин, Горохов, вот Мальцев теперь и всё. Научный авторитет объективно самый высокий у Ляцкого и Мальцева, но они теоретики, и им чужды конкретные заботы огромной армады экспериментаторов, относящихся к этим снобам - Ляцкому и Мальцеву с недоверием, просто как к пижонам. И общественная репутация у них сомнительная, большинство вряд ли пойдёт за ними. Да и опыта административного у них никакого нет.

— Горохов, хоть и доктор, но скромная фигура. Лазутин же активен, доктор, давно заведует одной из самых крупных лабораторий - космических лучей, но и его очень многие не любят. Про остальных же и говорить нечего - мелки для директорства, во всяком случае не выделяются чем-либо заметно среди таких же завлабов, кандидатов наук.

— Перестройщики рассчитывали на варягов, в числе возможных кандидатов фигурировали, например, Фельдштейн и даже я, но конкретных договорённостей, хотя бы предварительных, у них ни с кем не было. Да и попробуй такого варяга найти, чтобы им подходил и согласился бы ехать на Север возглавлять такой бузотёрный институт.

— Ко всему прочему существовал ещё некий антагонизм между мурманской и апатитской частями ПГИ по поводу предполагавшегося в относительно скором будущем переезда апатитской части в Мурманск, где строилось новое здание ПГИ. Апатитяне в большинстве своём в Мурманск переезжать не хотели, главным образом, из-за того, что, поскольку в Мурманске хуже с жильём, переезд наверняка будет связан с потерей части жилплощади, да и прочих преимуществ в Апатитах много - нет проблем с городским транспортом, гаражи у всех рядом, жёны (или мужья) и дети пристроены, снабжение даже лучше, чем в Мурманске, воздух чище и климат суше, и т.д., и т.п.

— Мурманчане же, напротив, были заинтересованы в том, чтобы институт, а точнее, дирекция были бы не в Апатитах, куда за каждой бумажкой или печатью мотаться нужно за 200 вёрст, а в Мурманске. Да и с помещениями у них было плохо, и они с нетерпением ждали окончания строительства нового здания.

— Распопов был за скорейший переезд, и в этом его поддерживали мурманчане. Лазутин был против, и поэтому против него была настроена часть мурманчан, боявшихся, что Лазутин, придя к власти, притормозит дело с новым корпусом.

— Всё это и сыграло в конечном итоге свою роль в том, что, когда комиссия устроила - не выборы, а что-то вроде плебисцита по вотуму доверия Распопову в институте, большинство (почти 60%) проголосовало за него (в том числе и Володя Власков, например), не взирая на то, что анкета с противоположными результатами опроса общественного мнения продолжала висеть в институтском коридоре на 2-м этаже апатитского здания.

— Тем не менее нельзя было сказать, что вся затея перестройщиков лопнула. Были достигнуты и некоторые положительные результаты: Распопов перебрался в Мурманск, подальше от этих апатитских смутьянов, Кузьмин вообще ушёл из института, а на октябрь были назначены выборы (!) замдиректора по апатитской части. К этим выборам теперь и готовилось ДОСП.

— Кандидатами были Ляцкий, Мальцев, Мингалёв и Черноус. Лазутин в замы к Распопову идти отказался. Первые трое входили в ДОСП, и любой был готов отказаться в пользу сообщника. Слава, в частности, говорил, что снимет свою кандидатуру в пользу Мальцева или Мингалёва - у кого больше шансов будет, а, скорее, их будет больше у Мингалёва: был начальником ВЦ Кольского филиала АН, имеет опыт административный.

— А ты не согласился бы к нам в директора пойти? - спросил меня Слава. - Только учти, власть у директора будет сугубо исполнительная, он во всём должен подчиняться Учёному Совету. И через пять лет - перевыборы. Не пройдёшь - не обессудь.

— Спасибо, Слава, за честь, - рассмеялся я. - Только объясни, пожалуйста, мне-то это зачем?

— Я понимаю, всё не так просто. Но ты подумай, пожалуйста.

___19 февраля 1988 г., кирха

___На семинаре была и Аллочка. Она передала мне приглашение от коллектива пудовкинцев провести вечер с ними и избранными гостями семинара на квартире у Свет Санны Зайцевой.

___- Я знаю, что ты со Славой живёшь, - сказала мне Аллочка. - Его тоже приглашают, но ты скажи ему, что и я там буду.

___И на этот же вечер нас со Славой пригласил к себе Саша Чертков, тоже пудовкинский сотрудник, но державшийся особняком, приятель Димули. Мы со Славой решили убить двух зайцев - побывать и там, и там, чтобы никого не обидеть.

___Сначала мы заявили к Свет Санне в громадную подзапущенную квартиру на Васильевском острове, недалеко от Академии Художеств, оставшуюся ей с матерью от отца-художника, профессора живописи. Сохранилась и мастерская художника, где гости могли рассматривать картины и книги.

___За столом было скучновато. Я попытался было привлечь публику к идее, которую Слава развивал в номере "Карелии" в разговорах с Мишиным, - о создании Союза Учёных, а для начала Геофизического Союза наподобие Американского, с тем, чтобы поставить на демократическую основу издание журналов, проведение конференций и т.п., но успеха не имел. Игорь Алексеев из НИИЯФа заявил, что в геофизике и так всё достаточно демократично. Все мы сами рецензенты в своём журнале "Геомагнетизм и аэрономия", чего ещё надо?

___Отсидев ради приличия час, мы со Славой смылись потихоньку и перебрались с Васильевского острова на Невский проспект. Чертков жил недалеко от Елисеевского гастронома, тоже в старом доме, тоже вдвоём с мамой, только в малюсенькой совсем квартирке, выкроенной, наверное, из какой-нибудь коммуналки.

___В гостях у Саши был ещё его дипломник, которого Слава тут же взялся просвещать по части демократии. Я не активно участвовал в разговоре - отвлекался на телевизор, передавали футбольные матчи на европейские кубки ("Зенит" в этот вечер как раз отличился в Бельгии с "Брюгге"), и оказалось, что Сашина мама заядлая болельщица, ужасно переживает за "Зенит", в то время как сам Саша к футболу совершенно равнодушен.

___Всё же меня достали - попросили высказаться, что такое социализм. Я ответил, что понятия не имею.

___- Ну, а всё-таки, что для тебя стоит за этим словом?

___- Думаю, что это абстрактное понятие, не насыщенное конкретным содержанием, плод воображения мечтателей конца прошлого века. Существует, конечно, такое определение, что это - общественная формация, в которой средства производства принадлежат народу, то есть отсутствует частная собственность на средства производства, и действует принцип распределения по труду, но ни того, ни другого я лично представить себе не могу.

___Что такое общественная собственность на средства производства? Где она более общественная - в так называемых странах социализма или в капиталистических странах? Что вообще значит - общественная? Почему собственность какого-нибудь акционерного общества менее общественна, чем, допустим, наш знаменитый Байкальский ЦБЗ, который вся наша родная общественность закрыть не может?

___Если собственность обществом не контролируется (общество ею не распоряжается), то можно ли утверждать, что она ему принадлежит? Выражают ли Госплан и Минфин интересы общества? Там, где нет демократии, нет и общественной собственности.

___А что такое распределение по труду при социализме? Какова мера общественной или вообще какой-либо полезности этого труда?

___Я знаю только один вид социализма - тот строй, который конкретно имеет место у нас и в странах соцлагеря, но он под приведённое определение не подходит, а какой бы подходил - не знаю, не могу себе представить. Да и стоит ли себе голову ломать над

чьими-то фантазиями? Разве что для того, чтобы придти к такому забавному выводу, что современный развитый капитализм как раз больше всего и отвечает исходному определению социализма...

— Но оказалось, что я этим высказыванием увожу беседу куда-то в сторону от намеченной Славой линии, и мне было позволено продолжать смотреть футбол.

— А второй раз я включился уже более активно, когда услышал, как Слава ляпнул, что Христос был великий политический деятель. Я запротестовал:

— Христос - Бог, а не политический деятель!

— Слава, конечно, не согласился, и мне пришлось доказывать ему, что существует разница между религией и политикой (хотя они и проникают взаимно друг в друга), и что, если уж он не признаёт Христа Богом, то во всяком случае религиозным проповедником следовало бы его признать, а никак уж не политиком.

— 23 марта 1988 г., кирха

— Это как раз многие из слушавших Христа иудеев принимали его за политика, объявившего себя Мессией (Спасителем, Избавителем) в том смысле, что он избавит иудеев от римлян и сделает их царство великим и всемогущим. Убедившись, что это не так, то есть разочаровавшись в Христе именно как в политике, они и сопровождали насмешками его путь на Голгофу и казнь. Но ведь Христос воскрес! И имя его живёт отнюдь не благодаря каким-либо его политическим деяниям...

— От Черткова я проводил Славу до Московского вокзала, он отправился поездом к себе в Апатиты, а я - ночевать к Б.Е., чтобы с утра опять усесться с ним рядом над рукописью.

Побывал я в гостях и у Ирины с Димой. Комнатку им дали в общежитии малюсенькую, но больше той, в которой мы с Сашулей жили на Добролюбова, правда, у нас предбанник кухонный ещё был. Во всяком случае у них две кровати и шкаф поместились, жить вполне можно. По внешней видимости у них пока всё было нормально. Иринка выкроила какие-то свободные деньки, съездила во Владимир, навестила бабулю Тоню после операции, та ей очень обрадовалась. Иринка помогла ей по хозяйству - уборку сделала, постирала кое-что и приволокла прорву варенья и компотов в награду за труды.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)